

Тихомиров Сергей Александрович

РГПУ им. А.И. Герцена

(Санкт-Петербург)

Место молодежных субкультур в системе современной городской культуры

(Position of Youth Subcultures in The System of Contemporary Urban Culture)

За последние 10-15 лет в отечественной науке появилось значительное количество публикаций, посвященных молодежным субкультурам, начало складываться представление о том, что, перспективы развития дисциплин, формирующихся на стыке обществознания, культурознания и человекознания¹, во многом связаны с изучением современной урбанистической среды (а молодежные субкультуры – феномен сугубо городской), о теоретическом благополучии в данной сфере исследований говорить пока не приходится².

Специалисты, как правило, исходят из того, что субкультура – подсистема внутри культуры, «культура в культуре», однако неясным остается ее конкретное «месторасположение», превращающее субкультуру в «блуждающий» феномен.

Чтобы зафиксировать «местонахождение» молодежных субкультур на карте современного культурного пространства, целесообразно обратиться к известному делению культуры на три сферы - фольклорную³, массовую и элитарную. Заметим, что оно вовсе не утратило своей актуальности, а периодически возникающие у исследователей сомнения в адекватности использования такого теоретического конструкта⁴ вызваны не изначально заложенной в нем ущербностью, но трудностью проведения демаркационных линий между указанными сегментами культуры, границы которых все больше расплываются.

Мы исходим из представления о том, что молодежные субкультуры – феномены, возникающие, когда осуществление социализации индивидов по

каким-либо причинам оказывается невозможным через официальные институты (семья, учебные заведения и т.д.), когда легитимные каналы вхождения молодого человека в культуру оказываются полностью или частично блокированными. Иными словами, субкультуры - образования с ярко выраженной компенсаторной функцией, позволяющие направить указанные процессы *альтернативными* путями.

Молодежная субкультура как таковая не есть зло, которое надлежит искоренять всеми доступными средствами: это образование, самостоятельно оформившиеся в недрах культуры как сверхсложной самоорганизующейся системы, и, в конечном счете, оберегающее ее от распада, что, однако, не отрицает возможности корректировки конкретных деструктивных явлений средствами адресной молодежной политики. Также очевидно, что вся молодежь никогда не будет субкультурной и, более того, вряд ли уместно заниматься поиском стопроцентно «нормальной» или субкультурной молодежи, так как процесс социализации и инкультурации каждого индивида – сложнейшая конфигурация сценариев развития, меняющаяся во времени, балансирующая между официально санкционированным и несанкционированным.

В свете сказанного целесообразно различать понятия «*молодежная субкультура*» и «*культура для молодых*»⁵, на том основании, что официально несанкционированная молодежная субкультура производится самой молодежью для внутреннего пользования, в то время как культура для молодых – «легитимный» для данного общества сегмент массовой культуры, производящейся специалистами-взрослыми и ориентированный на охват максимально широкой аудитории молодых потребителей.

Не следует, однако, считать, будто субкультурная молодежь вовсе не потребляет продукцию массовой культуры. Напротив, потребляет и очень даже активно. Но, если «нормальная» молодежь конструирует свое «я» через практики потребления «культуры для молодых», выбор и присвоение уже готовых смыслов, то субкультурная молодежь на основании этих же практик

осуществляет активный, целенаправленный процесс порождения новых смыслов, действуя как бриколер⁶, вырывая элементы из исходного контекста и инкорпорируя их в новый, ранее не существовавший. Следовательно, молодежную субкультуру можно охарактеризовать как *производяще-непроизводящую* систему: новых вещей (экономических благ) она действительно не создает, но при этом активно конструирует новые для данной культурной системы смыслы и значения.

Потребление не следует воспринимать как сугубо пассивный процесс в том смысле, что потребление непременно рождает ответную реакцию со стороны индивида, которая может быть осмыслена как проявление его творческих интенций. Неразрывность связи между потреблением и реакцией на него, по сути, задает одну из границ между массовой и фольклорной культурой, где не-фольклор начинает превращаться в фольклор⁷. Однако если в случае с «нормальной» молодежью этот процесс носит спонтанный, неустойчивый и разнонаправленный характер, то субкультурная молодежь, напротив, занята целенаправленным, «программным» порождением новых коллективных смыслов и значений на основе потребления.

Любая молодежная субкультура, хотя и неотделима от своего социального субстрата, не может быть отождествлена с ним. В противном случае мы ставим знак равенства между обществом и культурой, что, несмотря на ряд фундаментальных работ, где разводятся данные понятия⁸, сплошь и рядом имеет место в научной литературе⁹.

Субкультуру можно представить как тонкую пленку, которой подернуто *n*-ное количество молодежных сообществ, существующих на определенной территории в определенное время. Если *тусовка* как элементарный тип сообщества в молодежной среде, консолидирующийся вокруг определенного символа¹⁰ (нередко какой-либо продукции «культуры для молодых» - например, тусовка сноубордистов) не предполагает единства мировоззрения ее членов, то субкультура «достраивает» тусовки до социальной общности «более высокого» уровня, интегрируя их в единое

целое, скрепами которого являются *коллективные ценности*, объективирующихся в разнообразных этических кодексах, мифологизированных представлениях об истории сообщества (этапы становления, столкновения с представителями других субкультур, легендарные личности и т.п.), языке костюма, сленге, механизмах обучения неопитов, а также *коллективные* (и нередко стереотипные) *знания* о специфике других социальных общностей - носителей тех или иных субкультур в пределах конкретной территории.

Рассматривая внешнюю атрибутику молодежных субкультур, можно сказать, что мы всегда имеем дело с нарушением сложившегося символического порядка, заданного массовой культурой. Однако «выламывание» субкультур из сетки общепринятых смыслов и значений относительно непродолжительно. Современная научная и учебная литература пестрит названиями субкультур¹¹, но далеко не все из них реально присутствуют в социокультурном пространстве крупного российского города, либо исчезнув с исторической арены вовсе и освободив место другим, как это произошло, например, с люберами в 1990-е годы¹², либо продолжая существовать в трансформированном виде.

Молодежная субкультура как система смыслов и значений, так или иначе не вписывающихся в уже имеющуюся официальную сетку координат, не существует сколь угодно долго в первозданном виде вследствие того, что в культуре запускается механизм, направленный на «усвоение» субкультуры, инкорпорирование нововведений в лоно доминантных значений материнской культуры. То, что родилось в одной из зон роста культуры, постепенно становится «достоянием» зоны стабильности культуры.

Таким образом, молодежные субкультуры, относящиеся к сфере культурного андерграунда («низового» и официально не санкционированного) оказываются точками развития современной культуры и в этом отношении функция фольклорной культуры идентична функциям культуры элитарной. Массовая культура как предельно широкий пласт,

обеспечивающий устойчивость системы в целом, стягивает к себе все «наработки», рожденные в недрах как фольклорной, так и элитарной культуры, и, вероятно, этот процесс, нередко осмысляемый исследователями исключительно с пессимистической позиций, является залогом успешного функционирования системы западной культуры в целом на данном этапе ее исторического развития.

Субкультуры, зародившись в лоне материнской культуры, существуют на правах «альтернативы» до тех пор, пока их не «настигает» массовая культура. В какой-то степени субкультура представляется «опасной» для культуры материнской как подрывающая ее символический порядок, а потому она с большим или меньшим постоянством инициирует механизмы ретерриториализации «опасных» потоков носителей субкультур, «локализуя их в стерильных, контролируемых правоохранительными органами пространствах, производящих предсказуемые, серийные и рационализированные формы рекреации»¹³.

Этот переломный момент, после которого субкультура продолжает существовать в смешанном виде, Е.Л. Омельченко обозначает как ее смерть¹⁴, хотя, вероятно, уместнее различать собственно смерть субкультуры и ее гибридизацию как новую форму (постсубкультурного?) существования.

Наконец, следует отметить, что массовая культура отнюдь не однородна и, развивая идею С.И. Левиковой, можно сказать, что по целевой аудитории потребителей она подразделяется на «культуру для детей», «культуру для молодежи» и «культуру для взрослых», но динамика ее развития такова, что в ней гипертрофированно разрастается «средний» сегмент – «культура для молодых» - переориентирующий на себя все остальные.

Вопросы моды, публичного поведения и досуга в крупных городах приобрели невиданный до этого ракурс, когда представители старших поколений оказываются перед дилеммой: координировать ли свои поступки в

соответствии с истинным биологическим возрастом или же ориентироваться на тех, кто годится им в дети.

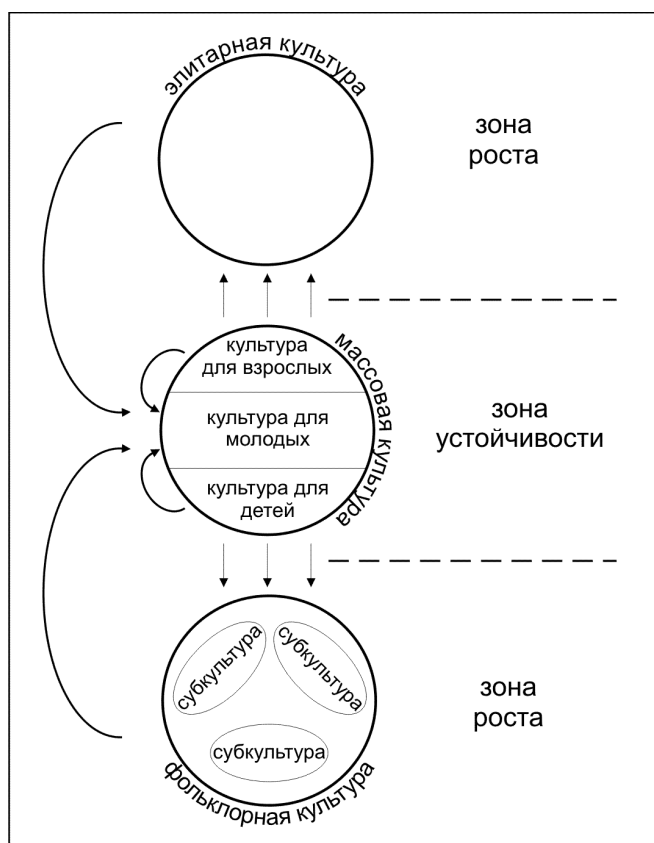
Возраст становится не только биологически, но и культурно значимым понятием, структурирующим городское пространство и социальные связи. Причем для обозначения «молодящихся» взрослых, которые ходят танцевать в модные ночные клубы, с удовольствием смотрят мультфильмы или играют в компьютерные игры, дарят друг другу небольшие плюшевые игрушки, активно включились в «погоню» за спортивной фигурой и т.д. уже существует специальный термин-кентавр «kidult»¹⁵ (образован от англ. kid + adult). Здесь не следует усматривать какие-либо процессы инфантилизации старших поколений и т.д., ибо «kidult» - всего лишь взрослый, являющийся активным потребителем «культуры для молодых».

Активно пропагандируемый средствами массовой культуры имидж «молодежности» включает такие характеристики, как активность, мобильность, экстравагантность, перерастающая в эпатажность, склонность к риску, оптимизм, сексуальность, сопровождающуюся неременной демонстрацией красивого, ухоженного, загорелого, спортивной комплекции тела¹⁶, причем последние становятся, по сути, симулякрами здоровья и молодости.

Впрочем, если «культура для молодых» переориентирует на себя «культуру для взрослых», то относительно ее взаимодействия с «культурой для детей» уместнее говорить о тенденции к элиминации детства как такового. Современная массовая культура буквально сразу же после рождения ребенка стремится превратить его в «глобального подростка»¹⁷, лишая значимости все предшествующие этому этапы. Под воздействием «культуры для молодых» происходит сексуализация «культуры для детей», проявляющаяся в опасном сближении таких категорий, как «очаровательное» и «эротическое», «невинность» и «соблазн», о котором пишет М. Рюст, исследовавшая принципы моделирования одежды для младших школьниц в Норвегии¹⁸. Очевидно, что дальнейшее осмысление указанной тенденции

должно стать предметом специальных исследований прикладного характера, на основании которых могла бы осуществляться ее аккуратная корректировка во избежание возникновения социально опасных тенденций (например, эскалации насилия по отношению к детям).

Подводя итог размышлениям, уместно представить изложенные в статье идеи в виде следующей схемы:

¹ Мосолова Л.М. О междисциплинарности и целостности гуманитарного образования: философско-культурологические основания // Философско-культурологические основания и структура содержания современного гуманитарного образования: Учеб. пособие. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2008. С. 49.

² См. также: Панченко А.А. «Письмо несчастья»: политика и фольклор // «Кирпичики»: Фольклористика и культурная антропология сегодня: Сб. ст. в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова. – М.: РГГУ, 2008. С. 401-402.

³ В силу того, что слово «народ» по инерции еще во многом ассоциируется исключительно с крестьянским миром, мы склонны обозначить данный пласт культуры как «фольклорный», подчеркивая тем самым, что средой его бытования является не только деревня, но и город.

⁴ Подробнее об этом: Захаров А.В. Возможен ли симбиоз традиционной и массовой культуры? // Массовая культура на рубеже веков: Сб. ст. – М.; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 7-25.

⁵ Левикова С.И. Молодежная субкультура и культура для молодых // Известия Волгоградского государственного педагогического университета №2(03), 2003. С. 15-25.

⁶ Хебдидж Д. Субкультура: значение стиля // Теория моды. №10. С. 144.

⁷ Богданов К.А., Панченко А.А. «Фольклорная действительность»: мифология и повседневность // Мифология и повседневность. Вып. 2. Материалы науч. конф. 24-26 февраля 1999 г. – СПб., 1999. С. 13.

-
- ⁸ Каган М.С. Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996; Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2002; Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. – М.: ОГИ, 2004.
- ⁹ Например, О.Ю. Биричевская определяет субкультуру как сообщество. См.: Биричевская О.Ю. Аксиология массовой культуры. Сравнительный ценностно-смысловой анализ. – М.: Научная книга, 2005. С. 66.
- ¹⁰ Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. – М.: ОГИ, 2004. С. 43-47. Попутно заметим, что активное формирование тусовок, пожалуй, позволяет говорить о них как о новом субъекте социальных отношений в молодежной среде.
- ¹¹ См., например: Манько Ю.В., Оганян К.М. Социология молодежи. (Учебное пособие) – СПб.: ИД «Петрополис», 2008. С. 177-183.
- ¹² Громов Д. Любера: как становились пацанами // Теория моды. №10. С. 177-200
- ¹³ Пензин А. Индустрия ночи // Критическая масса, 2004. №2 <http://magazines.russ.ru/km/2004/2/pen14.html> ; Ср. также с Шурипа С. О тотальном футболе // Критическая масса, 2004. №3. <http://magazines.russ.ru/km/2004/3/sh17.html>
- ¹⁴ Омельченко Е. Смерть молодежной культуры и рождение стиля «молодежный» // Отечественные записки. 2006. №3 <http://www.strana-oz.ru/?numid=30&article=1270/>
- ¹⁵ См. Арутюнян М. «Взгляни на мир по-детски!» // Отечественные записки 2006. №3 <http://www.strana-oz.ru/?numid=30&article=1261>; Волошин В. История болезни: Semper Virens // Вебпланета от 07.05.07. <http://www.webplanet.ru/knowhow/life/volv/2007/05/07/kidult.html> ; Горалик Л. Маленький принц и большие ожидания: «новая зрелость» в современном западном обществе // Теория моды. 2008. №8. С. 259-299; Горалик Л. Младшего среднего возраста // Большой город, 2008, №11(209). С. 8.
- ¹⁶ Омельченко Е. Смерть молодежной культуры и рождение стиля «молодежный» // Отечественные записки. 2006. №3 <http://www.strana-oz.ru/?numid=30&article=1270/>
- ¹⁷ Савицкая Е. «Глобальный подросток»: результат и предпосылка «культурной глобализации» // Дети и культура. – М.: КомКнига, 2007. С. 28
- ¹⁸ Рюст М. Диалектика эротического и целомудренного в моделировании одежды для младших школьников // Теория моды. № 8. С. 239-258.